

— (1)В Малозёмове гостит князь, тебе кланяется, — говорила Лида матери, вернувшись откуда-то и снимая перчатки. —

(2)Рассказывал много интересного... (3)Обещал опять поднять в губернском собрании вопрос о медицинском пункте в Малозёмове, но, говорит, мало надежды. — (4)И, обратясь ко мне, она сказала: — Извините, я всё забываю, что для вас это не может быть интересно.

(5)Я почувствовал раздражение.

— (6)Почему же не интересно? — спросил я и пожал плечами.

— (7)Вам не угодно знать моё мнение, но уверяю вас, этот вопрос меня живо интересует.

— (8)Да?

— (9)Да. (10)По моему мнению, медицинский пункт в Малозёмове вовсе не нужен.

(11)Моё раздражение передалось и ей; она посмотрела на меня, прищурив глаза, и спросила:

—Что же нужно? (12)Пейзажи?

— (13)И пейзажи не нужны. (14)Ничего там не нужно.

(15)Она кончила снимать перчатки и развернула газету, которую только что привезли с почты; через минуту она сказала тихо, очевидно сдерживая себя:

— На прошлой неделе умерла от родов Анна, а если бы поблизости был медицинский пункт, то она осталась бы жива. (16) И господа пейзажисты, мне кажется, должны бы иметь какие-нибудь убеждения на этот счёт.

(17) Я имею на этот счёт очень определённое убеждение, уверяю вас, — ответил я, а она закрылась от меня газетой, как бы не желая слушать. — (18) По-моему, медицинские пункты, школы, библиотечки, аптечки при существующих условиях служат только порабощению. (19) Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья — вот вам моё убеждение.

(20) Она подняла на меня глаза и насмешливо улыбнулась, а я продолжал, стараясь уловить свою главную мысль:

— Не то важно, что Анна умерла от родов, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потёмок гнут спины, болеют от непосильного труда, всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь боятся смерти и болезней, всю жизнь лечатся, рано блёкнут, рано старятся и умирают в грязи и в вони; их дети, подрастая, начинают ту же музыку, и так проходят сотни лет, и миллиарды людей живут хуже животных — только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх. (21) Весь ужас их положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своём образе и подобию;

голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому

самому, что отличает человека от животного и составляет

единственное, ради чего стоит жить. (22) Вы приходите к ним на помощь с больницами и школами, но этим не освобождаете их от пут, а, напротив, ещё больше поработаете, так как, внося в их жизнь новые предрассудки, вы увеличиваете число их потребностей, не говоря уже о том, что за книжки они должны платить земству и, значит, сильнее гнуть спину.

— (23)Я спорить с вами не стану, — сказала Лида, опуская газету. — (24)Я уже это слышала. (25)Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки. (26)Правда, мы не спасаем человечества и, быть может, во многом ошибаемся, но мы делаем то, что можем, и мы правы. (27)Самая высокая и святая задача культурного человека — это служить ближним, и мы пытаемся служить, как умеем. (28)Вам не нравится, но ведь на всех не угодишь.

— (29)Правда, Лида, правда, — сказала мать.

(30) В присутствии Лиды она всегда робела и, разговаривая, тревожно поглядывала на неё, боясь сказать что-нибудь лишнее или неуместное; и никогда она не противоречила ей, а всегда соглашалась: «Правда, Лида, правда».

— (31) Мужичья грамотность, книжки с жалкими наставлениями и прибаутками и медицинские пункты не могут уменьшить ни невежества, ни смертности так же, как свет из ваших окон не может осветить этого громадного сада, — сказал я. — (32) Вы не даёте ничего, вы своим вмешательством в жизнь этих людей создаёте лишь новые потребности, новый повод к труду.

— (33) Ах, боже мой, но ведь нужно же делать что-нибудь! — сказала Лида с досадой, и по её тону было заметно, что мои рассуждения она считает ничтожными и презирает их.

(По А. П. Чехову*)

* **Антон Павлович Чехов (1860-1904)** — русский писатель, прозаик, драматург.